

МИХАИЛ СПАРТАКОВИЧ ТЕЙКИН

аспирант кафедры русской филологии и журналистики,
Северо-Восточный государственный университет (Магадан,
Российская Федерация)
teikin-ms@mail.ru

ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭТНОНИМЫ ЭВЕНОВ: ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Изучение коренных малочисленных народов Севера, их языковых особенностей и родоплеменных отношений, названий и самоназваний как научное явление возникло с момента начальных контактов русских первопроходцев с туземцами – с первой половины XVII века. Исследователи прошлых веков разграничивали разные народы Севера, но это не всегда удавалось в полной мере. Так, вплоть до XX столетия имело место смешение современных эвенов и эвенков, часто именовавшихся общим этнонимом *тунгусы*, не отражавшим достаточным образом этнического своеобразия Северо-Востока России. В статье рассматриваются устаревшие и современные этнонимы эвенов, как распространенные среди всех представителей данного этноса, так и региональные, имеющие хождение на ограниченных территориях. Исследуется происхождение наименований эвенов, анализируются прежние названия и причины, побудившие в XX веке переменить в русском языке наименование одного из коренных малочисленных народов Севера. Также рассматривается проблема эвенских самоназваний, вплоть до середины прошлого столетия конкурировавших между собой за статус единственного общего наименования в русском языке для всех представителей одного этноса. В заключение выносятся предположение, почему в качестве общего этнонима выбрано было именно самоназвание *эвен*.

Ключевые слова: общие и региональные этнонимы, названия и самоназвания, Северо-Восток России, эвены, регионализмы

Эвены относятся к коренным малочисленным народам Северо-Востока России. Территория их обитания обширна – Магаданская область, Чукотский автономный округ (Анадырский и Билибинский районы), северная часть Камчатского края, северо-восток Якутии. Эвены никогда не имели компактного места проживания, что объяснялось кочевым образом жизни. Как результат – эвенский язык подразделяется на множество диалектов, отличающихся не только фонетикой, но и лексическим составом.

Кроме языковых различий, эвены, проживающие в той или иной природной зоне, именуются сородичами по-разному – чаще всего в зависимости от рода занятий, ведущегося с учетом ландшафта и климата. Можно констатировать, что для представителей данного этноса существуют разные региональные этнонимы, а общий этноним *эвен* объединяет все географические группы в одно целое – по общему языку и происхождению. Разумеется, местные названия и самоназвания имеют хождение не только среди самого эвенского этноса – их заимствовали ближайшие соседи эвенов, в том числе говорящие по-русски. При этом региональные этнонимы (в отличие от общих) не входят в лексику, составляющую литературный язык. Это регионализмы – «слова, обозначающие реалии определенной территории и мало известные (или совсем неизвестные) жителям других местностей» [12: 57].

Имеются в русском языке также и устаревшие наименования эвенов, ныне встречающиеся в научной литературе и хрониках прошлых веков; эти имена не являются самоназваниями.

Описание эвенских этнонимов целесообразно начать с использовавшихся в прошлые эпохи – в соответствии с хронологической последовательностью, а затем перейти к рассмотрению региональных названий эвенов, часто привязанных к географии преимущественного проживания.

Одно из первых известных науке наименований эвенов – *ламуты* (более старая форма *ламутки*), встречается в письменных источниках с середины XVII века. Так, в «Отписке Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова» упоминается поход Постника Иванова 1638 года. В документе сказано следующее: «А на вершинѣ, государь, Янги [Яны] рѣки живутъ Тунгусы именемъ Ламутки»¹. Происхождение данного этнонима сомнений не вызывает: *ламу* ~ *лам* на эвенкийском языке означает 'море'. В XVIII веке об этом писал Я. И. Линденау:

Ламуты, которые, без сомнения, происходят от оленных тунгусов, называют себя ламутами. Это имя возникло в то время, когда у оленных тунгусов вымерли все олени и они осели у моря, которое на их языке называется Лам [6: 53].

А. Е. Аникин в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» описывает значение

слова *ламут* – ‘эвен’, помечает его как литературное и устарелое, а также разъясняет происхождение: «Связано с тунг. назв. моря – эвенк. *лāму*... эвен. *нāм*... < тунг. **lāmu*» [1: 350]. Составитель словаря делает предположение, с каким водным объектом слово могло первоначально связываться: «Тунг. **lāmu* относилось, вероятно, к Байкалу (ср. эвен. *лāму* ~ *лāм* ~ *лāмэ* ~ *нāм* ‘море; название озера Байкал’) и было занесено на Север предками совр. эвенков» [1: 350]. Вывод же следует однозначный и научно достоверный: «Так или иначе, этимологически *л*° (ламут. – *М. Т*) = ‘помор’» [1: 351].

Следует также отметить, что до революции встречалось именование эвенков *тунгусами* – с полным или частичным отождествлением последних с родственными им эвенками. Одни авторы прошлых эпох, относя ламутов к тунгусам, все же отмечали неполную тождественность данных этнонимов, другие же ставили между ними знак равенства. Так, Я. И. Линденау в «Описании народов Сибири» называет ламутов (эвенков) *пешими тунгусами* [7: 53], хотя и отличает их от собственно тунгусов. С. П. Крашенинников пишет: «Тунгусы или Ламутки[,] собравшись человекъ до 50 и больше[,] выѣзжаютъ въ лодочкахъ на море <...>»². А. Н. Радищев отмечает:

Пятого поколения народы суть: Тунгусы <...>. Тунгусы, разделяющиеся на многие роды и поколения, к которым принадлежат Ламуты, то есть: поморские жители, кочуют от Енисея до пределов Китайских и до берегов Охотского моря³.

Таким образом, в понимании А. Н. Радищева ламуты относятся к тунгусам, хотя и упоминаются отдельно, в отличие от других «родов» и «поколений», о которых ничего не сказано.

Статистик и этнограф С. К. Патканов не считал тунгусов и ламутов разными народностями, а видел в них одну и ту же ветвь тунгусского племени. Исследователь ключевое внимание уделил «морскому» происхождению этнонима и на данном основании строил свои выводы:

[Название *ламуты*] обыкновенно примѣняется самими тунгусами для тѣхъ изъ своихъ сородичей, которые живутъ около моря, такъ какъ «ламуты» <...> означаетъ не болѣе какъ «прибрежные или приморскіе жители»⁴.

Анализируя данные переписи населения 1897 года по Петропавловской округе (территория современного Камчатского края), где тунгусы и ламуты значатся порознь, С. К. Патканов замечает:

Но, какъ сказано выше, нѣтъ никакого основанія предполагать въ этой двойственности особая племена тунгусовъ⁵.

Ученые, путешественники и ссыльнопоселенцы XVII, XVIII и XIX веков, запечатлевшие свои исследования в письменном виде, выделя-

ли ламутов на общем фоне, относя их при этом к тунгусам. Правда, нельзя говорить и о полном отождествлении этнонимов *ламут* и *тунгус*: носители первого включаются в более широкое этническое образование, но в качестве существенного отличительного признака указывается на приморское проживание ламутов. Однако для точной этнической дифференциации народов, называемых сегодня эвенками и эвенками, этого явно было недостаточно: эвенки живут не только у моря. Таким образом, можно констатировать, что вплоть до XX века ламуты в отдельный этнос не выделялись, а так или иначе соотносились с тунгусами. Результатом было смешение этнонимов и непоследовательное их употребление.

Безусловно, и эвенки, и эвенки имеют общее происхождение. Языки обоих этносов относятся к тунгусо-маньчжурской группе, на основании чего их правомерно называют – с лингвистической точки зрения – тунгусскими народами. М. Х. Белянская отмечает:

Эвенки представляют собой этнос, наряду с эвенками и негидальцами принадлежащий к северной ветви тунгусов, однако в историко-этнографической литературе до начала 1930-х гг. их обычно не выделяли в самостоятельную этническую единицу [4: 15].

Применение одного этнонима для двух этносов было неудобно не только для научных, но и практических целей, поэтому в XX веке окончательно отказались от использования термина *тунгусы* в отношении и эвенков (с прилагательным *пеший* или *без*), и эвенков.

Эвенки – близкородственный эвенкам, но все же не тождественный им народ; это различные этносы, хотя и имеющие общее происхождение. Я. И. Линденау, несмотря на отождествление тунгусов с ламутами («Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов» [6: 53]), не ставит между ними знак равенства и правильно замечает с филологической точки зрения: «Их [ламутов] язык отличается от языка тунгусов» [6: 53]. Например, *море* по-эвенски *нам* [9: 187], в отличие от эвенкийского *ламу* ~ *лам* [5: 233] (последнее – диалектная форма), из которого и происходит слово *ламут*. Безусловно, слова имеют этимологическую связь: переход *л* в *н* объясняется тем, что в эвенском языке незаимствованные лексические единицы не могут начинаться на букву *л*. Из вышеизложенного очевидно, что этноним *ламут* являлся географически ограниченным – применявшимся к эвенкам, обитающим у морских берегов; данное обстоятельство делало его не совсем точным для маркировки места проживания этноса.

Разумеется, географическая достоверность не самое главное требование для наименования народа: весьма часто соседей именуют по одному какому-либо признаку, и такой этноним становится затем общепринятым. Или же весь этнос может получить наименование по названию

племени или субэтнической группы, входящих в него⁶.

Следует сказать, что происхождение этнонима *ламуты* от эвенкийского слова *ламу* (диал. *лам*) ‘море’ не делало его неподходящим, почему он успешно использовался для наименования тунгусской народности на протяжении нескольких столетий – с XVII по XIX включительно. Переход на новый этноним произошел в первой половине XX века – после революции. Оценивая исторические реалии, следует предположить, что решение о смене наименования коренного малочисленного народа Севера принималось по причине того, что *ламуты* – не самоназвание, географическая же неточность (эвены живут не только на побережье моря) сыграла здесь далеко не ведущую роль. В тот же исторический период (1930-е годы) была попытка заменить привычный и научно устоявшийся этноним *чукча* на близкий к самоназванию *луораветлан*, но неологизм в русском языке не прижился. Дело в том, что этноним *ламут* до революции не закрепился в качестве единственно точного, охватывающего всех тех, кого сегодня принято называть эвенами. Если бы четкое этническое разграничение было проведено ранее, следствием чего стало бы прекращение смешения понятий *тунгус* и *ламут*, – последний мог бы стать национальным идентификатором определенного народа Крайнего Севера. Сего, однако, не произошло. Именно поэтому замена старого – не совсем точного – этнонима новым (произошедшая не стихийно, а сознательно проведенная) прошла в русском языке безболезненно. Словари, выпущенные во второй половине XX века, уже относят слово *ламут* к устаревшим. Так, в шестом томе семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», выпущенном в 1957 году, дается следующее объяснение слова *ламуты*: «Устаревшее наименование эвенов» [11: 52]. «Словарь русского языка» 1999 года под редакцией А. П. Евгеньевой так же характеризует данный этноним: «Устарелое название эвенов» [10: 163]. Более развернутое объяснение – с точным указанием временной границы использования слова – дается в 9-м томе «Большого академического словаря русского языка» 2007 года издания: «Прежнее название эвенов (употреблявшееся до 1930-х годов)» [2: 49].

В период официального утверждения нового этнонима эвенами называли себя, наряду с иными самоназваниями – зачастую конкурировавшими друг с другом на разных территориях, большинство представителей данного этноса; поэтому в русскую научную и этнографическую литературу, официальную документацию, а вслед за тем и во все остальные сферы жизни вошло именно это слово.

Относительно происхождения этнонима *эвен* существуют различные предположения. В. И. Цинциус связывает самоназвание с гла-

голом *эвдэй* ‘спускаться с гор’ [16: 6], однако же более правдоподобной выглядит версия об этимологической связи этнонима с эвенским словом *эвэн* ~ *эвун* ‘местный, здешний’, предложенная К. А. Новиковой [8: 11]. «Эвенско-русский словарь» В. А. Роббека и М. Е. Роббек слово *эвув* ~ *эвуч* переводит как ‘близкий, ближний’ [9: 339], что в определенной степени синонимично прилагательному *местный*.

К. А. Новикова верно отмечает: «Отдельные территориальные группы эвенов имеют различные самоназвания» [8: 9]. Ввиду немногочисленности и, главное, территориальной рассеянности эвенов наблюдается такое явление, как смешение этнонимов: региональные наименования этноса совпадают с названиями иных народов.

Так, существует малочисленный народ *орочи*, преимущественно проживающий в Хабаровском крае. При этом эвены Быстринского района Камчатского края также называют себя *орочами*, поскольку владеют оленьими стадами: по-эвенски *оран* значит ‘олень (домашний)’ [9: 224]. В. И. Цинциус отмечает: «Употребляя это название, они, по-видимому, противопоставляют себя “сидячим” эвенам...» [16: 6]. В настоящее время это региональный этноним, однако в прошлом он широко использовался и даже составлял конкуренцию этнониму *эвен*. По мнению Л. Н. Хаховской, «термин *ороч* охватывал не меньшие группы людей, чем “параллельные” термины» [15: 157]. Развивая тему, Л. Н. Хаховская указывает:

В период, когда территория Охотско-Колымского региона входила в зону деятельности Дальстроя, в конкурентных отношениях находились этнонимы *ороч* и *эвен*. Вследствие того, что трест обладал значительной хозяйственной и даже политической самостоятельностью, местные власти в своей практической деятельности могли до известной степени игнорировать предписания о переименовании тунгусов в эвенов и руководствоваться собственными сведениями, собираемыми среди местного населения, которое продолжало именовать себя *орочами*. Поэтому данный этноним в статистических и иных источниках выдвигается на первый план [15: 158].

Правда, весьма сомнительно, чтобы все население, учитываемое Дальстроем, именovalo себя исключительно *орочами* и никак иначе. Так, В. И. Цинциус еще в период существования Дальстроя (в 1947 году) писала:

В Ольском и Быстринском районах эвены называют себя *ороч*. <...> Самоназвание *эвен* (*эвэн* ~ *эун*, множественное число *эвэсэл* ~ *эүшел*) распространено в Охотском, Среднеколымском и других районах [16: 8].

В. А. Туголуков на основе собственных полевых материалов 1952 года указывает, что термином *орочелы* (или *огочелы*) обозначалась группа оленных тунгусов северной части Охотского побережья, и замечает:

Этноним *орочелы* здесь употреблялся в начале 30-х годов текущего [XX] столетия; им обозначались

эвены Северо-Эвенского и Ольского районов современной Магаданской области» [13: 212–213].

То же подтверждает К. А. Новикова [9: 10], но уточняет, что оседлые эвены ряда селений Охотского побережья (Олы, Армани и Тауйска) именуют себя на литературном языке *эвнэ*, такое же самоназвание (с учетом диалектных различий в произношении) зафиксировано у эвенов Ягоднинского, Среднеканского, Сусуманского районов Магаданской области, Чукотки, Пенжинского района Камчатки и Якутии. Таким образом, исходя из данных В. А. Туголукова и К. А. Новиковой, можно сделать вывод, что на значительной территории Охотско-Колымского округа, включавшего Ольский, Северо-Эвенский и Среднеканский районы, население называло себя *ороч* (ед. ч.) и *орочэл* (мн. ч.), чего нельзя сказать обо всей Магаданской области, не говоря о других территориях, где преобладало самоназвание *эвен*. Вполне возможно, что работники Дальстроя, отвечавшие за учет туземного населения, посчитали более «удобным» этноним *ороч* и записывали всех, кто называл себя орочами или эвенами, под первым именем, не вдаваясь в этнонимические подробности и не разбирая сложные вопросы самоидентификации народа. Отсюда полное отсутствие в статистических данных эвенов по всему Ольскому и Северо-Эвенскому районам, приводимых Л. Н. Хаховской [14: 52, 55–56], хотя, например, К. А. Новикова указывает, что в Ольском районе проживали группы с самоназванием *эвен*.

Дальстрой обладал достаточными хозяйственными и культурными ресурсами, чтобы под его влиянием в качестве общенародного был принят этноним *ороч*, а не *эвен*, если бы первый действительно имел более широкое распространение, нежели второй, или хотя бы равное с ним. Этого, однако, не произошло, и сегодня *ороч* является лишь региональным этнонимом, коим называет себя группа эвенов ограниченной территории. Кроме того, орочами именует себя народ, относящийся к южно-тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы. Данное обстоятельство не могло в конечном итоге не повлиять на то, чтобы для именованного северно-тунгусского народа принять в русский язык отличный термин, тем более что широко распространенное самоназвание *эвен* давало благоприятный повод для этого.

Безоленные оседлые эвены, живущие у Охотского побережья и занимающиеся охотой, рыболовством, а также разведением собак, именуются *мэнэ* ‘оседлый’ ([8], [16]) – от слова *мэнэдэк* ‘летняя база’. Данный этноним объясняется тем, что взрослые мужчины летом перекочевывали с оленями, а женщин, стариков и детей оставляли на одном месте: необходимо было подготовиться к зиме, а женщинам – пошить на всех одежду. Разумеется, находящиеся на летней базе и занимающиеся хозяйством не имели возможности

кочевать, поэтому логическая связь существительного *мэнэ* и прилагательного *мэнэдэк* четко прослеживается.

Эвены побережья именуют живущих в глубинах материка *донрэткэнами* [8] (*донрэткэн* ‘таежный, живущий в глубинах материка’ – от слова *донрэ* ~ *дөмүэ* ‘суша, материк; тайга, лес; местность, удаленная от моря’ [9: 96]). Донрэткэны занимаются оленеводством, а также охотой и рыболовством на озерах.

В свою очередь, эвены, живущие в отдаленных от моря районах, противопоставляют себя эвенам побережья и называют последних *нама-тканами* (*нама-ткан* ~ *наму-ткан* ‘приморский житель, помор’ [8: 11], [9: 187] – от слова *нам* ‘море’).

Эвены, живущие в низовьях Колымы, называют себя *илканами* (*илкан* ‘настоящий, зрелый, возмужалый’ [9: 120]). Данный этноним имеет весьма ограниченное распространение. Прослеживается взаимосвязь регионального эвенского самоназвания с самоназванием родственных эвенам негидальцев – *элькан бэйэнин* (*elkan böyönin*) ‘настоящие люди’ [7: 108–109].

Существуют и более древние региональные этнонимы, ныне уже не встречающиеся в устной речи. Так, эвены, проживающие у реки Тауй, протекающей по северной части Хабаровского края и по Магаданской области, в прошлом называли себя *товунканами*, о чем упоминает А. А. Буркин [3: 251]. Поскольку данное самоназвание – региональный этноним во время контактов с аборигенами в районе Тауя слышали еще в XVII веке русские первопроходцы, при распределении народа, в те времена именовавшегося ламутами, по родам (в первую очередь в соответствии с тем, как сами эвены себя подразделяли), приречных жителей отнесли к тойскому роду.

Отдельные региональные этнонимы эвенов происходят от наименований местностей проживания [3: 253]. Так, самоназвание *уяганкан* восходит к названию реки Уега. Данный региональный этноним является также наименованием современного эвенского рода, распространенного от северо-востока Якутии до севера Камчатского края.

Таким образом, можно констатировать, что в зависимости от места проживания и рода деятельности различных групп эвенов различаются и их названия; в прошлом некоторые из них конкурировали между собой за признание в качестве общего обозначения всех представителей одного этноса. Данный феномен в наши дни не характерен для больших народов. Именно это и составляет уникальность малочисленных этносов.

Сегодня общим этнонимом для именованной всей совокупности народа является *эвен*. *Ламут* по праву указывается в словарях в качестве устаревшего слова (то есть архаизма). *Ороч*, ранее конкурировавший с этнонимом

эвен, особенно в период деятельности Даль-
строга, ныне является всего лишь региональ-
ным самоназванием.

На основании вышеизложенного можно сде-
лать однозначный вывод: благодаря проведенной
этнологами и языковедами работе эвены имеют
общий этноним и сегодня четко разграничивают-

ся от остальных малочисленных народов, населя-
ющих не только Северо-Восток, но и иные регио-
ны России. Это играет положительную роль при
изучении языковых и этнических особенностей
эвенов и не в последнюю очередь способствует
эффективным и плодотворным лингвистическим
исследованиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отписка Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова, с распросными речами Енисейских служивых людей Поста-
ника Иванова и Прокопия Лазарева, бывших на реках Индигирке и Янге для ясачного сбора и открытия новых земель // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 2. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1846. С. 241.
- ² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. С. 339.
- ³ Радищев А. Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 153.
- ⁴ Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Вып. 1: Тунгусы собственно. СПб., 1906. С. 23.
- ⁵ Там же. С. 31–32.
- ⁶ Так, во французском языке немцы называются Allemands, а Германия – Allemagne, по исторической области Алемания и проживавшим там алеманнам.
- ⁷ В эвенском алфавите нет буквы для обозначения увулярного [ɟ], несмотря на наличие такого звука. В. А. Роббек и М. Е. Роббек в своем словаре не используют знак ɟ. В настоящей статье он ставится при цитировании в случае необходимости, во избежание неверной фонетической трактовки слова – на основании сведений К. А. Новиковой [8] и про-
изношения носителей языка, живущих в Оле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. СПб.: Наука, 2007. 660 с.
3. Бурыйкин А. А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // Традиционная культура народов Восточной Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 246–253.
4. Белянская М. Х. Традиция и современность: культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии (историко-этнографический очерк). СПб.: Бельведер, 2004. 124 с.
5. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 804 с.
6. Линденау Я. И. Описание народов Сибири. (Первая половина XVIII века). Магадан: Книжное издательство, 1983. 176 с.
7. Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 107–218.
8. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 264 с.
9. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 1460 стб.
12. Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 57–84.
13. Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 204–217.
14. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
15. Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
16. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1. Л.: Учпедгиз, 1947. 272 с.

Teikin M. S., North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation)

THE EVENS' COMMON AND REGIONAL ETHNONYMS: HISTORICAL AND PHILOLOGICAL OBSERVATIONS

The study of Northern indigenous small-numbered peoples, their languages' peculiarities and tribal relations, names and self-names as a scientific phenomenon commenced in the first half of the 17th century, from the moment of the earliest contacts of Russian pioneers with the natives. Previous ages researchers have differentiated various Northern peoples; unfortunately, it has not been done

thoroughly all the times. Thus, until the 20th century, the contemporary Evens and Evenks were often intermixed and commonly referred to as the Tunguses, which did not reflect Russian North-Eastern ethnic diversity properly. This article deals with archaic and modern Evens' ethnonyms, both spread among all representatives of this ethnic group and regional ones, circulating on limited territories. Herein is set forth the research of the Evens' names origins and the analysis of their former titles with reasons inspired in the 20th century to change the name of one of the Northern indigenous small-numbered peoples. The article also considers the problem of the Evens' self-names, which up to the middle of the previous century competed for being the only general ethnonym in Russian. In conclusion, the author gives a presumption why the self-name *Even* was eventually chosen as general one.

Key words: common and regional ethnonyms, names and self-names, North-East of Russia, Evens, regionalisms

REFERENCES

1. Anikin A. E. Etymological dictionary of Siberian Russian dialects: Borrowings from the Ural, Altai, and Paleo-Asian languages. Moscow, Novosibirsk, 2000. 768 p. (In Russ.)
2. The great academic dictionary of the Russian language. Vol. 9. St. Petersburg, 2007. 660 p. (In Russ.)
3. Burykin A. A. Evenki and Even ethnonyms on the coast of the Sea of Okhotsk. *Traditional Culture of Eastern Asia Peoples*. Issue 3. Blagoveshchensk, 2001. P. 246–253. (In Russ.)
4. Belyanskaya M. Kh. Tradition and modernity: The northern Tunguses' culture of survival in North-Eastern Asia (historical and ethnographic essay). St. Petersburg, 2004. 124 p. (In Russ.)
5. Vasilevich G. M. Evenki-Russian dictionary. Moscow, 1958. 804 p. (In Russ.)
6. Lindenau Ya. I. Description of Siberian peoples. (The first half of the 18th century). Magadan, 1983. 176 p. (In Russ.)
7. Mylnikova K. M., Tsintsius V. I. Negidal language research papers. *Tungus Compilation. I*. Leningrad, 1931. P. 107–218. (In Russ.)
8. Novikova K. A. Essays on the Even language dialects. The Ola patois. P. 1. Moscow, Leningrad, 1960. 264 p. (In Russ.)
9. Robbek V. A., Robbek M. E. Even-Russian dictionary. Novosibirsk, 2005. 356 p. (In Russ.)
10. Russian language dictionary. In 4 vol. Vol. 2. Moscow, 1999. 736 p. (In Russ.)
11. Contemporary Russian literary language dictionary. In 17 Vol. Vol. 6. Moscow, Leningrad, 1957. 1460 col. (In Russ.)
12. Sokolyanskaya N. N. Theoretical and practical lessons on regional lexicon of the Far North-East. *Regional Linguistics (Far North-East of Russia)*. Magadan, 2016. P. 57–84. (In Russ.)
13. Tugolukov V. A. Crucial ethnonyms of the Tunguses (the Evens and the Evenks). *Ethnonyms*. Moscow, 1970. P. 204–217. (In Russ.)
14. Khakhovskaya L. N. The Kamchadals in the Magadan Region (their history, cultural traditions and identification). Magadan, 2003. 325 p. (In Russ.)
15. Khakhovskaya L. N. Indigenous peoples in the territory of the Magadan Region in the 20th and the early 21st centuries. Magadan, 2008. 229 p. (In Russ.)
16. Tsintsius V. I. Essays on the Even (Lamut) language grammar. Part 1. Leningrad, 1947. 272 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.02.2018